

Я долго смотрел на птицу, распостёртую на горячем асфальте дороги. Собственно, это уже не было птицей — только кости птицы, внутренности птицы, перья птицы — всё по отдельности. Мне стало жалко останки, я собрал их и отнёс на пустошь. Там они стали выглядеть как-то умиротворённой. Но я не остановился на этом. Я решил помочь им до конца — нашёл палку и стал рыть яму. Сухая, затвердевшая земля не поддавалась, но я не опускал рук — нельзя просто бросить тут то, что раньше было птицей.

— Что ты делаешь? — раздался над моим ухом голос.

Это пришёл Бурлак с лопатой:

— Можно с тобой?

— Если дашь мне лопату, то можно, — согласился я.

Он отдал, и мы продолжили рыть яму вместе: я — бурлаковой лопатой, он — моей палкой.

— Это называется похороны, — сказал Бурлак, когда мы клали останки птицы в яму, которая получилась довольно глубокой. — Мою бабку так в яму клали, и все ревели. А яма большущая была, больше нашей.

— Так у них и лопаты были больше. А ты ревел?

— Не-а... Она противная была, пусть лежит в тёмной яме. Вот когда меня ставят в тёмный угол, я реву. И то, не потому что жалко, а просто от нечего делать. Скучно в углу, а так, авось, быстрее выпустят.

— Значит, хоронят только плохих?

— Нет, хороших тоже. Ванька-вор из 10-го когда помер, его тоже закапывали, но не ревел никто, только его мать.

— Знаешь, давай всё сделаем как положено. Она, наверное, была хорошей. Вороны и собаки плохими вообще не бывают.

- Если по-хорошему, то ящик нужен.
 - Ящика нет. Давай представим, будто он есть.
 - Ладно. А кто будет реветь? Я не хочу, я только что котлету съел.
- Я попробовал выдавить слезу — ничего не вышло.
- Я тоже не могу, хотя на обед ел суп.
 - Надо позвать Анигеру. Девчонки ревут лучше. Подожди тут!

Бурлак перемахнул через дорогу и помчался к нашему двору. Я сидел у ямы, пока его не было, и считал проезжавшие мимо по дороге машины. Бурлака не было долго, я даже успел проголодался и пожалел, что не попросил у бабы Веры котлету к своему супу. Наконец он явился. С ним была наша Анигера — ловкая, некрасивая девчонка на год старше меня и её мелкий брат, которого она тащила за руку.

— А этот зачем? — спросил я Бурлака, показывая на мелкого.

— Бабуля уехала в Питер, а я должна за ним присматривать, — объяснила вместо Бурлака Анигера.

— Мелкие тоже хорошо ревут, — задумчиво произнёс Бурлак.

Мы выстроились перед ямой, в которой лежали останки птицы. Бурлак сгрёб в кулак песчаной пыли и сказал:

— Вы тоже берите. Так положено.

Мы взяли по горсти сухой земли.

— Кидай ты первый, — приказал мне Бурлак. — Ты её нашёл, значит, дольше всех её любил.

Я не был уверен, любил ли я птицу как положено, но спорить не стал.

— А реветь уже можно? — напомнила о себе Анигера.

Бурлак посмотрел на неё строго:

— Ты разве елмертарной вещи не знаешь?

— Какой? — переспросила Анигера.

— Что взять с девчонки, — хмыкнул Бурлак, — начинай!

Анигера скорчила гримасу, от которой её лицо стало не просто некрасивым, а прямо-таки чудовищным и закричала. Именно не заревела, а закричала. Мелкий испугался нечеловеческого вида и вопля своей сестры и заревел. Мы с Бурлаком были ошеломлены этой сценой. Я был уверен, что на рёв этих двоих прибежит из Питера их бабка.

— Внушает, — оценил работу Анигеры Бурлак.

Потом мы засыпали яму землёй и лопаткой Бурлака выровняли холмик. Анигера устала орать и пошла собирать цветы — Бурлак сказал ей, что так положено. Мелкий усердно помогал ей. Я поставил к холму камень. Когда вернулась Аниге-

ра с братом и цветами — дохленькими ромашечками и чахлым тысячелистником — мы положили их на холмик.

— Теперь нужно поесть, — сказал Бурлак.

— Зачем? — удивился я.

— Так нужно. У кого-нибудь есть пироги или конфеты?

Мы покачали головами.

— Тогда ждите здесь.

Бурлак снова понёсся в город.

— Знаешь, мне теперь немного её жалко, птичку, — призналась Анигера, — она раньше летала, а теперь в земле будет лежать. Там тесно, и воздуха нет. И неба, конечно.

Я посмотрел на предзакатное небо. Оно было яркое и красивое. В нём кружили птицы, но не такие, как наша — горластые чайки. Они кричали, как Анигера, и летели к морю. Мне тоже стало жалко птицу и захотелось плакать.

Бурлак принёс бутерброды с колбасой.

— Мамка сделала, — похвастался он.

Мы сидели у холмика и жевали бутерброды. Вся моя тоска прошла без следа. Я наелся до отвала и стал зевать.

— А зачем на похоронах едят? — спросил я.

— Не знаю, — сознался Бурлак. — Наверное, чтобы больше не плакать.

Я мысленно с ним согласился — бутерброды были волшебные.

Это лето было на удивление сухим и солнечным — такого уже лет 10 не бывало в нашем городе. Температура поднималась до 40-ка градусов в тени и до 52-х под солнцем. Время от времени с севера приходили грозовые тучи. Они гнали впереди себя по земле стайки мелкого сора, и когда уходили, скупно уронив на истомлённый жарой город пару тёплых капель, оставляли весь этот бесприютный табор праха земного в тени человеческого жилища. Их движение было яростно и бесслёзно, они несли свою ярость куда-то на юг, где, как рассказывали красивые ведущие новостей, шла война.

Когда баба Вера развешивала стираное бельё во дворе нашего дома, оно высыхало раньше, чем она успевала дойти до подъезда. Мне это было на руку — пока бельё сушилось, я должен был следить за тем, чтобы его не утащил Ванька-вор. И, хоть Ванька больше был не опасен для наших простыней, бабка заставляла меня сидеть во дворе, опасаясь, видимо, продолжателей его дела. Крал Ванька больше не от бедности, а из интереса. Уже тогда я знал, что только от бедности люди не крадут и не умирают, а то бы весь наш городок давно был частью пустыни и моря или тюрьмой. Он был неизлечимо болен и одинок. Однажды мы бегали по двору до одури, Ванька держал мой пододеяльник на вытянутых вверх руках,

и он надувался наподобие паруса. Когда я повалил Ваньку, вцепившись в пододельник, он долго лежал на земле, завернувшись в него, а потом встал и побрёл куда-то на пустырь, не проявляя больше никакой заинтересованности в нашем белье. Один и тот же предмет он никогда не крал.

Избавившись от дел надсмотрщика за бельём, я бежал к Бурлаку. Он был старше меня на год и намного опытнее. По-настоящему его звали Степка Бурлаков. Семья Бурлака в масштабах нашего городишки была богатая (его мать работала в соцзащите), и дома у него лежало много интересных вещей. На прошлый Новый год Бурлак получил в подарок «Монополию». С того самого дня он к ней не прикасался, и красочная коробка покоилась под бурлаковой коллекцией сушёных жуков.

Третьей в нашей команде была Анигера, она же — Регина Львова из обедневшей ветви дворянского рода Львовых. Она гордилась тем, что родилась на корабле — её отец был когда-то моряком, а потом бросил семью и стал, согласно утверждению бабули Львовой, никем. Сама бабуля была знаменитой в нашем городке ведьмой. Она работала на трёх работах, а по ночам мучилась от опущения матки и кричала. Своей бабкой Анигера тоже гордилась и старалась быть на неё похожей — даже душилась временами «Красной Москвой».

В то жаркое лето наша компания была увлечена новой игрой — похоронами. Мы с Бурлаком бродили по городу, отыскивая среди гор нанесённого ветром праха мёртвых существ. Их мы торжественно несли на пустырь, где клали в ямы и закапывали под рёв младшего братишки Анигеры. Когда не попадалось нового мёртвого, мы откапывали своих старых мёртвых и хоронили их заново. За месяц игры наше кладбище разрослось до 34 могил: зарыта в неподатливую землю была вся коллекция Бурлака из 18 жуков, 3 сбитые на трассе птицы и 2 кошки, 10 прихлопнутых нашими бабушками мух и один человеческий ребёнок, у которого не получилось родиться по-хорошему. Ребёнка мы нашли во дворе старого двухэтажного дома, он лежал среди мусорного табора и был тихим и сухим, словно чучело. Его могилой мы гордились особенно — она была утыкана цветами, среди которых был даже один пластмассовый, выдернутый Анигерой из погребального венка Ваньки, часто у этой могилы мы съедали собранные нашими бабушками подники.

Дождь пошёл 16 июля, в полдень. Мы сидели на своём кладбище после безуспешных поисков новых покойников, когда с севера пришло огромное мрачное облако. Следом за ним появилась бабуля Львова — она беспокоилась за Анигеру.

— Что это? — спросила она, указывая на могилу нашего ребёнка.

— Наше кладбище, — ответил Бурлак.

— Убийцы! — выкрикнула бабуля.

— Мы их не убивали, — мрачно сказал Бурлак. Его спортивная курточка и волосы уже были мокрыми от дождя. Бабуля ему не поверила.

— С такими вещами не играют, малявки! Чтоб вы на своей шкуре узнали то, что чувствовали они!

И она удалилась, забрав с собой Анигеру. Бурлак скроил рожу, передразнивая бабулю:

— Чтоб вы чувствовали, как они! Тьфу!

Он сплюнул, как взрослый, и пошёл домой. Я тоже.

Через 2 дня снова была жара, и я сторожил на дворе зимние пальто — своё и бабушкино. Нужно было следить, чтобы из них вылетала вся моль и микробы. Тут я увидел мать Бурлака. Она шла через двор, как-то неестественно склонив голову на бок, похожая на зомби из фильмов ужасов.

— Татьяна Ивановна! — позвал я её. — А Стёпка дома?

Я надеялся быстро разделаться с молью и пойти с Бурлаком на кладбище или собирать банки.

— Нет больше Стёпки, — сказала его мать и заплакала в грязный платок.

Через три дня Бурлака хоронили. Он бежал к нашим мёртвым, когда на трассе в него врезалась гружённая рыбой фура. Не знаю, что стало с фурой, но Бурлак лежал нисколько не изменившийся, будто живой. На его теле не было ни следа от произошедшего столкновения, по-прежнему торчали ёжиком светлые волосы и левое плечо было выше правого — Бурлак всегда ходил так, словно тащит что-то за собой, перекинув через левое плечо верёвку.

— Бурлак! — тихонько позвал я его, когда подошла моя очередь поцеловать его в лоб. — Проснись, Бурлак! Мы с тобой делали неправильно — надо было целовать тех, кого хороним.

Но Бурлак не проснулся. Двое здоровых мужиков с потными лицами, упираясь в лопаты, вгрызались в сохшуюся землю.

— Если бы не деньги, чёрта с два я взялся бы за такую работу в такую-то засуху! — сказал один мужик другому и тихо, в знак уважения к покойному, выругался.

На следующий день к нам пришла мать Бурлака и отдала все его игрушки, а вечером заявила Анигера.

— Пойдём поиграем в «Монополию», — предложила Анигера.

— Нет, — сказал я. — Лучше давай в «Мёртвый — живой — полуживой».

Теперь Анигера — учительница русского языка и литературы, а я... впрочем, зачем вам это знать? Вы ведь даже не знаете моего имени.